Сыскное бюро «Квартет»

Автор:
Екатерина Вильмонт

Сыскное бюро «Квартет»

Екатерина Николаевна Вильмонт

Сыскное бюро «Квартет» #1

В соседней пустой квартире происходит что-то таинственное. Внезапно закрытый рояль начинает играть классическую музыку. Неужели в квартире завелось привидение? Две закадычные подруги Ася и Матильда решают во всем разобраться. А тут еще какие-то самые настоящие воры пытаются залезть в дом… Как не позвать на помощь своих друзей – Митю и Костю? Ведь только всем вместе можно разгадать загадку пустой квартиры и вывести на чистую воду злоумышленников!

Екатерина Вильмонт

Сыскное бюро «Квартет»

© Вильмонт Е. Н., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Дорогие мои читатели, вот мои детские детективы, о которых вы так давно просите. Хоть действие и происходит давно, но ведь дело не в деталях, а в том, что дружба, верность, порядочность не зависят от эпохи. Они просто есть или нет. А это зависит от людей.

Екатерина Вильмонт

Глава 1

В 12 часов по ночам…

– Ася, ужинать пора! – зовет с кухни тетя Липа.

Мы с Мотькой (это моя подруга Матильда) продолжаем резаться в нарды.

– Ася, Мотя, сколько можно вас звать?

– Тетя Липочка, минутку, только эту игру доиграем, и все!

– Ладно уж, – ворчит тетя Липа.

– Все, Аська, у меня дубеш!

– Тогда пошли ужинать, потом еще сыграем.

Но едва мы садимся в кухне за стол, как в дверь кто-то звонит.

– Ешьте, я открою!

– Кто там? – спрашивает тетя Липа, на всякий случай взяв за ошейник Лорда.

– Липочка, откройте ради бога, это я, Альбина.

– Тьфу на тебя, – едва слышно произносит тетя Липа и отпирает дверь.

– Липочка, Тата дома?

– Да откуда ж ей в такой час дома быть? У нее нынче спектакль.

– А кто дома? – истерическим голосом спрашивает Альбина.

– Да никого, только Асенька с подружкой. Да что стряслось-то, Альбина Федоровна?

– Не знаю, не знаю, что-то странное творится у меня в доме! Я боюсь одна войти в квартиру.

– Да вы пройдите, Альбина Федоровна, может, вам чайку налить, валерьяночки накапать?

– Да, дайте мне валерьянки!

Она входит в кухню, плюхается на стул и закатывает глаза.

– Тетя Аля, что случилось? – спрашиваю я.

– Ах, девочки, хотите верьте, хотите нет, но у меня в квартире дух.

– Дух? Какой дух? – восклицает Мотька.

– Боюсь, что дух моего покойного мужа!

Альбина Федоровна – вдова знаменитого композитора. «Профессиональная вдова», как называет ее мой дедушка, который ее терпеть не может. А мама, добрая душа, жалеет и даже дружит с ней.

– Вы его видали? – спрашивает любопытная и охочая до всяких тайн Мотька.

– Нет, только слышала.

– Он что-нибудь говорил?

– Нет, он играл на рояле.

– Как?

– А вот так! Я прошлой ночью долго не могла уснуть, лежу, вспоминаю, как он любил меня, как мы были с ним счастливы, и вдруг слышу – играет, он играет, уж я его туше ни с чьим не спутаю. Ну, думаю, мне это чудится, но нет, звуки доносятся из его комнаты. Может, думаю, я пластинку на проигрывателе оставила. Иду туда и вижу – все выключено. А рояль играет.

– Сам по себе?

– Да, звуки эти раздаются из рояля.

– А клавиши?

– А что клавиши? Клавиатура закрыта. И крышка опущена, а на ней, как всегда, ваза стоит и портрет покойного Женечки. Я так испугалась, креститься стала, ну он и замолк.

– Да, уж коли крестное знамение помогло, значит, точно – нечистая сила! – констатировала Мотька.

– Да ладно вам чепуху молоть, – рассердилась тетя Липа, она всякую чертовщину на дух не переносит.

– Просто уж и не знаю, как быть, боюсь дома одна ночевать. Асенька, деточка, ты у меня сегодня не переночуешь?

Я и рта раскрыть не успела, как тетя Липа взвилась:

– То есть как? У вас там незнамо что делается, а вы ребенка хотите в это дело впутать?

– Тетя Липа, тетя Липа! Я хочу, я ужасно хочу послушать духа. Если мама разрешит, я у вас переночую!

– Как же, жди, разрешит тебе мама ночами не спать, духов каких-то слушать.

– Но ведь сейчас каникулы!

– А я? – вдруг всхлипнула Мотька. – А мне можно?

Альбина Федоровна не без брезгливости взглянула на Мотьку – еще бы, она ведь всего лишь дочка почтальонши, – но согласилась.

– Что ж, вдвоем вам будет не так страшно. А твоя мама позволит?

– А я маме скажу, что останусь ночевать у Аськи. Я у нее часто ночую.

– Не беспокойтесь, Альбина Федоровна, маму я тоже уговорю.

Когда мама пришла из театра, то поначалу рассердилась.

– Альбина, как тебе не стыдно, что за чепуха! И почему девочки должны у тебя ночевать? У тебя что, нет никого повзрослее на примете?

Но мы с Мотькой так пристали к маме, что она в конце концов махнула рукой.

– Бог с вами, делайте что хотите. Только одно условие – возьмите с собой Лорда. А иначе я вас не пущу.

Альбина терпеть не может животных, и я подозреваю, что мама это сказала нарочно; но, как ни странно, Альбина тут же согласилась.

– Ну, конечно, пусть, может, он побоится собаки…

– Кто? – спросила мама.

– Дух, кто же еще, – пожала плечами Альбина.

– Аля, а это не плод твоего воображения?

– Тата, если ты мне не веришь, то давайте все вместе пойдем.

– А в котором часу он является, твой дух?

– Вчера это было в начале первого.

– То есть, как и положено духу, после полуночи.

– В двенадцать часов по ночам из гроба встает композитор! – пропела я.

– Ася! – одернула меня мама, но я видела, что в глазах у нее пляшут чертики.

– А что? – сделала я невинные глаза. – Дедушка часто это поет в концертах: «В двенадцать часов по ночам из гроба встает император».

Короче, без четверти двенадцать мы все, и даже тетя Липа, отправились в квартиру Альбины. Там мы расселись в гостиной, а дверь в кабинет, где стоял рояль, была распахнута настежь. Мама, усталая после спектакля, примостилась в большом кресле, завернувшись в теплую шаль. Тетя Липа села на стул, мы с Мотькой пристроились на диване, а Альбина, ломая руки, бегала взад и вперед по квартире. Лорда оставили лежать в передней.

Так прошло около получаса, мама заснула, пригревшись в кресле, тетя Липа клевала носом, бодрствовали только мы с Мотькой да Альбина, которая раскладывала пасьянс на столе. И вдруг она тихонько вскрикнула – карты посыпались со стола. Осталась лишь одна карта – король пик. И тут же из кабинета донеслись нежные звуки рояля. Звучала знаменитая «Колыбельная» покойного композитора. Меня мороз подрал по коже, я так и застыла на месте.

– Надо же, и впрямь играет, – удивилась тетя Липа и перекрестилась вопреки своим убеждениям. Музыка продолжала звучать.

И вдруг Альбина бухнулась на колени перед роялем и как-то странно начала биться головой о его ножку.

– Милый мой, милый мой, – запричитала она, – я знаю, это ты, ты зовешь меня к себе! Ты не прощаешь мне моих грехов, но, может, господь простит меня.

Тетя Липа вдруг встала:

– А ну-ка я гляну, что там в этом рояле делается! – сказала она и направилась в кабинет, где Альбина все еще билась головой о рояль. Тетя Липа аккуратно сняла хрустальную вазу и портрет «покойного Женечки» и уже начала приподнимать крышку.

– Липа, побойтесь бога! – вскричала Альбина и рухнула на пол. Кажется, потеряла сознание.

– Час от часу не легче! – сказала тетя Липа. – Гляньте, девочки, музыка играет, а тут все неподвижно.

Мы с Мотькой кинулись к роялю – в самом деле, внутри него все было неподвижно.

– С ума сойти! – воскликнула Мотька и перекрестилась. Музыка по-прежнему звучала.

Но тут Альбина очнулась, села на полу, прислонясь к роялю, и тоже осенила себя крестным знамением. Музыка сразу смолкла.

– Ну и ну, – поразилась тетя Липа. – Тата, Тата, ты все проспала!

– А? Что? – вскинулась мама. Все самое интересное она действительно проспала. – Что, был дух-то?

– Был-был! – заорали мы с Мотькой. – Сперва карты разбросал, а потом начал играть «колыбельную».

– А вчера он тоже «колыбельную» играл? Альбина, да ответь же!

– Нет, вчера он играл «Рондо».

– Знаешь, Альбина, если ты боишься, пойдем лучше спать к нам, так проще будет, – предложила мама.

– Да нет, сегодня он, наверное, уже не придет, – слабым голосом предположила вдова. – Я выпью снотворное и, бог даст, усну.

Дома мама спросила:

– Девчонки, вы спать хотите?

– Нет! – хором ответили мы.

– Тогда давайте-ка выкладывайте, что вы видели, спокойно, по очереди, не перебивая друг дружку. Идет?

– Мама, а ты все аккуратно записывай!

– Это еще зачем? – удивилась мама.

– Ну, это будет вроде протокола, – догадалась Мотька.

– Верно. Я потом все дедушке покажу. Он же обожает разгадывать всякие тайны.

– Ладно уж, – сказала мама и достала бумагу и ручку.

– Нет, так не годится, для этого нужна тетрадь! – Я побежала к себе, взяла новую общую тетрадь и принесла маме. – Вот!

– Начнем, пожалуй! – пропела мама. – Ну, Мотя, давай ты сперва.

– Тетя Тата, значит, так: мы сидели с Асей на диване, вы на кресле спали, Лорд был в прихожей, тетя Липа сидела на стуле, а Ненорма раскладывала пасьянс.

Тут я должна сказать, что Альбину Федоровну все в доме звали Ненормой. Она обожала изображать из себя эдакое создание не от мира сего и вечно говорила, объясняя какие-то нарочито нелепые свои поступки: «Ах, вы же знаете, я – не норма!»

– И вдруг она вскрикнула, мы глядим – карты у нее слетели, а на столе остался один король пик. И тут же музыка заиграла. Она в ту комнату кинулась, бух на колени и давай головой биться, а тетя Липа пошла поглядеть, что там в рояле. Да, она еще перекрестилась…

– Кто, тетя Липа? – удивилась мама.

– Да, и, кстати, я потом тоже перекрестилась, но это не помогло. А вот когда Ненорма перекрестилась, тогда музыка кончилась.

– Интересно, – сказала мама. – Мотенька, это все?

– Да вроде все.

– Ася, а ты что скажешь?

– Ну, вообще-то, главное Мотя рассказала; я же заметила еще, что Лорд никак на этого духа не реагировал. А ведь мы знаем по книгам, что собаки на привидения и духов должны реагировать, тем более такая чуткая собака, как наш Лорд. И еще – когда Мотька и тетя Липа крестились, музыка играла, а когда Альбина – сразу смолкла.

– Может, это потому, что мы с тетей Липой некрещеные? – предположила Мотька.

– Не знаю, – сказала мама. – А признайтесь, девчонки, страшно было?

– Жуть! У меня вся душа в пятки ушла! – воскликнула Мотька. – Ась, а тебе, что ль, не страшно было?

– Еще как страшно! Но и смешно немножко. Я как будто со стороны все это видела.

– Да ладно врать-то, побелела, как простыня.

– Да, в первый момент я испугалась, а потом думаю – а что такого, музыка играет, не так уж страшно.

– Ну что ж, – сказала мама, – все записано, а теперь идите-ка спать, да и я тоже едва на ногах держусь.

Глава 2. Роскошная идея

Утром, часов в десять, когда мы с Мотькой еще дрыхли, Ненорма заявилась к маме. Я проснулась от ее звонка в дверь и мигом все вспомнила. Мама с Альбиной уселись на кухне пить кофе, а тетя Липа ушла в магазин. Выждав немного, я на цыпочках подошла к кухне и замерла, прислушиваясь.

– Таточка, я знаю, мне нужно умереть, Женечка зовет меня к себе, он хочет наказать меня за мои грехи…

– Слушай, Альбина, я не очень-то разбираюсь во всем этом, у меня как-то туго с загробной жизнью, но, насколько я понимаю, наказывает за грехи бог, а не привидение.

– Но согласись, ведь это какой-то знак.

– Знак? Может, и знак, но поди догадайся какой.

– Ах, Тата, тебе хорошо, ты такая нормальная, а я… ты же знаешь, я – не норма…

Она произнесла это так, словно маму можно только пожалеть за то, что она нормальная.

– Ну, ладно, скажи, ты хоть поспала немного? – спросила добродушная мама.

– Ах, где там… так… может, вздремнула полчасика…

– Знаешь, у нас у одной актрисы тоже кто-то в квартире стучал, ну, вроде полтергейст, так она привела священника, тот освятил квартиру, и все, на этом все кончилось. А еще я читала, что есть какая-то служба, не то по борьбе с полтергейстами, не то по установлению контакта…

– Ах нет, я не хочу бороться, ведь это Женечка, я опять слышу его божественную музыку, он словно со мной разговаривает…

– Ну тогда чего ты от меня хочешь, – рассердилась мама, – нравится тебе общаться с духами, так общайся на здоровье!

– Знаешь, я уже жду ночи, жду этой музыки…

– О Господи! – вздохнула мама, – ты же можешь слушать эту музыку с утра до ночи и без помощи духов. Включи себе магнитофон и слушай. Или дух лучше играет?

– Конечно! Конечно, лучше! Это совсем другая, неземная музыка! Ах, какие вкусные ватрушки, это ваша Липа пекла?

Тут я решила, что уже можно войти в кухню.

– О, Асенька! А где твоя подружка? – спросила Ненорма.

– Она еще спит, каникулы же. Я тоже еще пойду посплю, вот только ватрушку возьму.

– Нет, – решительно заявила мама. – Хочешь ватрушку, съешь здесь! Что это за манера таскать все в постель!

У мамы бывают такие педагогические приступы, а поскольку это случается нечасто, то я предпочитаю с ней не спорить.

И тут зазвонил телефон, междугородний.

Я схватила трубку.

– Дедушка! Дедуля, здравствуй!

– Аська! Малышка, как же я по тебе соскучился! Аська, представляешь – я скоро приеду домой на целых две недели!

– Дед, а как твой Мефистофель?

– Огромный успех! Все дамы у моих ног!

– Дед, приезжай скорее, ты тут очень нужен!

– Аська, родная, через три дня встречай меня. А мама дома? Да, я вам с Мотькой такой подарок купил, закачаетесь! Ладно, давай маму.

Забыв обо всем на свете, я кинулась в свою комнату.

– Мотька! Мотька! Вставай, дед приезжает!

– Когда? – Мотька тут же вскочила.

– В понедельник! Ура! Он сказал, что купил нам с тобой какой-то подарок, закачаешься!

– Ну вот, опять, – понурилась Мотька. – Зачем он это делает, мама опять ругаться будет.

– Не будет, не будет! Он сам с ней поговорит, ты же знаешь, как он на пожилых женщин действует!

– Это да, – просияла Мотька. – И почему только на пожилых? Вон Клавдюшка (это наша физичка и классный руководитель), она еще молодая считается, ей лет двадцать пять, она при виде твоего деда прямо вся обмирает – еще бы, такая

знаменитость!

– Пошли завтракать, Матильда, Липочка ватрушек напекла.

– Нет, мне домой надо. Каникулы, надо маме помочь!

– Погоди, давай мы сейчас быстренько позавтракаем, а потом вместе пойдем и поможем твоей маме. Вдвоем мы все быстро сделаем, а потом займемся нашим расследованием!

– Ой, я совсем забыла!

Через полчаса мы выскочили из дому и бегом понеслись на почту, где работала Мотькина мама.

– Тетя Саша, не сердитесь, что мы поздно, у нас такое было! – затараторила я, чтобы сразу заговорить зубы Мотькиной маме.

– Это что, дух у Альбины объявился?

– Мама, откуда ты знаешь?

– Да уж весь двор гудит. Ладно, девчонки, некогда мне с вами. Асенька, поможешь Матильде?

– Конечно!

Мы с Мотькой понеслись в соседний переулок, где нам дали две громадные кипы рекламных газет. Мы их взгромоздили на каталки и побежали обратно в наш двор. Для Мотькиной мамы это неплохой приработок.

Старушки на лавочках уже сколько раз предупреждали мою маму, что, дескать, ни к чему хорошему эта дружба не приведет, но мама только смеялась. Она очень любила Мотьку, говорила, что она на редкость способная девчонка.

– Чем дружить с придурочными детками этих нуворишей, которые знают только три слова: прикид, бабки и видак, пусть лучше дружит с Матильдой. Ее мама хороший человек, и у девочки тоже есть душа и голова на месте, – отвечала мама всем, кто удивлялся нашей дружбе.

– Знаешь что, – заявила Матильда, когда с газетами было покончено, – пошли ко мне, там никто не помешает думать. Очень уж меня этот дух занимает. Как вспомню, так вздрогну.

У Мотьки мы вскипятили себе чаю, взяли по горсти черных сухариков с солью и стали думать.

– Значит, так, – сказала я, – если отбросить сразу мысль о нечистой силе, то что это может быть?

– Ну, может, это какой-нибудь добрый дух, он ведь только на рояле играет.

– Понимаешь, есть тут что-то, что ни в какие рамки не лезет.

– Что?

– Если дух играет на рояле, то его, конечно, не видно, но клавиши-то должны двигаться под его невидимыми пальцами, и уж тем более внутри все не может оставаться неподвижным.

– А может, это просто загробная музыка?

– Тогда почему она доносится из рояля, а?

– Тетя Липа же открывала крышку и говорит, что ничего там нет, да мы и сами туда заглянули.

– И все-таки мы должны заглянуть туда еще раз и хорошенько все осмотреть. Не спеша.

– Легко сказать!

– Вообще-то, это вполне возможно. У нас есть ключи от ее квартиры. Запасные.

– А ты представляешь, если нас там застукают – сразу скажут, что я во всем виновата и тебя сбиваю с пути.

– Нет, нельзя, чтобы нас застукали. А вообще, очень бы не вредно провести там ночь, в этой квартире, разобраться с духами. Эх, если бы она на дачу уехала!

– Аська, я, кажется, придумала! У твоей мамы завтра нет спектакля?

– Нет, она говорила, что хочет перед дедушкиным приездом заняться уборкой. А что?

– Давай ближе к вечеру, часов в пять-шесть, позвоним Альбине, ну, придумаем что-нибудь, как будто ее вызывают на дачу, она первым делом к твоей маме кинется, твоя мама, конечно, скажет, что ей надо убираться и так далее, а мы тут как тут, мол, сами уберем, а вы, Наталья Игоревна, езжайте, заодно и свежим воздухом подышите. Ну, пока то да се, они поедут уже поздно и останутся там ночевать.

– Матильда! Гениальная голова! – восхитилась я. – Но ведь Ненорма может позвать с собой кого-нибудь другого.

– Да нет, она вечно за всем к твоей маме обращается.

– Мама может не согласиться.

– Ну, если Ненорма на нее насядет…

– Так, а вдруг мама скажет, чтоб Ненорма взяла нас с тобой?

– Не смеши меня, Аська, на кой мы ей сдались? Это она твоей маме может без конца долдонить, что она не норма, а с нами что ей делать? Вообще-то, тетю Тату жалко, эта Ненорма ведь настоящий кровосос, но ради дела…

– Знаешь, мама сама виновата, что ее привадила, вот и дедушка так говорит, и тетя Липа. Да, кстати, а как мы из дому-то удерем?

– Проще пареной репы. Скажем, что пошли к кому-нибудь на день рождения.

– И ты думаешь, тетя Липа уснет, пока я домой не приду?

– Что верно, то верно…

– Ладно, Мотька, там будет видно, как говорит наш немец: «Комт цайт, комт рат» – придет время, придет решение, главное, спровадить их на дачу. И что мы ей скажем? Кстати, звонить должен кто-то другой.

– Не беда, попросишь Вадьку, он для тебя все сделает.

– Да ну его, он вопросами замучает, и придется все ему рассказать.

– Придумала! Я сама позвоню. Через варежку.

– Это как?

– А так! – Мотька взяла свою пуховую варежку, прижала ее ко рту и прогундосила: – Здрасьте, Альбина Федоровна! Погоди, мы сейчас по телефону проверим. Кому бы позвонить!

– Позвоним Липочке! У нее слух тонкий, она же оперу обожает, не зря столько лет была дедушкиной поклонницей!

– Точно!

Мотька быстро набрала наш номер.

– Алло! Наталью Игоревну, будьте любезны! Ах, нет дома, скажите, она в театре? Хорошо, я попробую найти ее там! Всего наилучшего! – трясясь от хохота, проговорила Мотька в варежку. – Не узнала! Даже ничего не заподозрила! Ура!

– Ну, хорошо, предположим, все у нас получится, мама с Ненормой уедут. Липочку мы обведем вокруг пальца, но, согласись, ведь страшновато будет вдвоем ночью в чужой квартире, где водятся духи, а? Как по-твоему?

– Да, и свет нельзя зажечь.

– Почему это?

– Аська, ты сама, что ли, не понимаешь? Квартира ведь вроде пустая.

– Ты права. Хорошо бы Лорда взять с собой. Ну, тут уж я не знаю, что надо выдумать. Слушай, а давай Липочке в чай мамину снотворную таблетку кинем.

– Нет, это нельзя, ты же знаешь, Липочка вообще никаких таблеток никогда не пьет. А вдруг у нее аллергия, вдруг она от этой таблетки умрет? Что тогда?

– Да, твоя правда. Но надо же что-то придумать, а то они на дачу уедут, а мы не сумеем из квартиры выйти.

– Знаешь, если мы сейчас только об этом и будем думать, ничего, кроме головной боли, не наживем. Все равно до завтра нам делать нечего. Пошли лучше погуляем.

– Пошли.

По дороге Мотька вдруг меня спросила:

– Ась, а почему эта Альбина все твердит, что она не норма? Обычно люди этого стесняются!

– Да просто она дура набитая, выскочила когда-то замуж за композитора, и показалось ей, видно, что в этом кругу надо быть ненормальной. Я помню, как-то слышала, она маму спрашивала: «Таточка, как ты, актриса, существо возвышенное, можешь жить с обычным человеком?» Это она про папу. «Гидробиолог – это так прозаично!»

– Вот дурища!

– Еще та! И, кстати, сколько бы она из себя эфирное создание ни изображала, а хватка у нее, как у бультерьера. И она очень практичная. Это все дед про нее говорит.

– А мама твоя ей что ответила тогда?

– А мама ответила: «Дай бог каждой женщине встретить такого человека, как мой невозвышенный муж!»

– Да, это уж точно!

Мы еще долго гуляли, пока не замерзли.

– Пошли к нам, – предложила я.

– Нет, сегодня пойду домой, надо кое-что по дому сделать, а то мама ругаться будет. А вот завтра я приду к тебе часа в три, будем помогать твоей маме. Хотя нет, сначала нужно будет позвонить Альбине. Ты не знаешь, у нее телефон с определителем?

– Не знаю.

– Давай сейчас проверим.

– А у тебя жетон есть?

– На кой он нужен!

Мотька подлетела к автомату на углу и быстро набрала номер Альбины.

– Нет у нее определителя, ура! Вот только что же такое сказать, чтобы она наверняка поехала на дачу?

– Скажи, что у нее окно разбито, хотя нет, это ей не мама нужна будет, а стекольщик. И вообще, я не знаю, в каком таком случае ей может мама помочь.

– Думай, напрягай мозги!

– Да они у меня и так лопаются. План-то мы составили роскошный, а вот как его осуществить?

– Да, что-то никаких идей!

– Постой, Матильда! Я, кажется, придумала!

– Ну, говори скорее!

– Слушай, через варежку она тебя с трудом разберет, ты только тверди: у вас на даче, у вас на даче, а чего у нее на даче, она как бы и не расслышит. Понимаешь?

– А что, хорошая мысль! Но она ведь может позвонить соседям.

– Насколько я знаю, у нее с соседями отношения натянутые, а потом там большие участки, соседям туда еще тащиться надо, а погода сама видишь какая: слякоть, грязь. Ты еще скажи отчетливо слово «окно», а что с окном, пусть она не расслышит. Тут она, конечно же, бросится к маме и будет ее умолять с ней поехать. Ну, а мы подыграем.

– Точно, это будет здорово правдоподобно! Короче, завтра, примерно в полпятого я ей звоню…

– Нет, в полпятого рано!

– Почему?

– Посуди сама – в полпятого ты звонишь, еще час, предположим, на уговоры мамы, на сборы, ну, часов в шесть они выедут, на машине туда езды минут сорок, сейчас, допустим, час. В семь они обнаружат, что там все в порядке, и к девяти, самое позднее, будут дома.

– А когда ж звонить?

– Выходит, часов в семь, не раньше.

Мы простились с Мотькой до завтра.

Глава 3. Преграды рушатся

Иногда самая неодолимая на первый взгляд преграда вдруг рушится сама собой. Вечером тете Липе кто-то позвонил, и она, очень взволнованная, пришла к маме.

– Таточка, мне завтра вечером придется уйти. У моей кумы годовщина свадьбы, у меня совсем из головы вон, еще бы, Игорь Васильевич приезжает, но не пойти я не могу.

– Липочка, да идите ради бога, о чем речь.

– Только я уж утречком приеду, поздно возвращаться неохота.

– Ну, разумеется.

– Лорда не забудьте прогулять, а то я вас знаю.

У меня внутри все так и прыгало – надо же, все устраивается само собой!

Теперь осталось только сбыть маму.

…Утром я помчалась к Мотьке, сообщить ей поскорее радостную новость. Мы опять довольно быстро управились с газетами и уселись у нее дома за чай с сухариками.

– Знаешь, Аська, я что думаю, надо нам с тобой как-то обезопаситься на случай, если они все-таки решат вернуться сегодня.

– А как? – растерялась я. Мне это в голову не приходило.

– Вообще-то есть одна мысль… Вот! – и Мотька выложила на стол пачку светящихся наклеек.

– И что с ними делать?

– Если мы возьмем с собой Лорда…

– Собака Баскервилей?

– Ну да! Представляешь, Альбина только дверь откроет, а ей навстречу собака Баскервилей!

– Но так и помереть недолго! Слушай, Моть, может, пошлем к черту все это, а? Дождемся дедушку?

– Нет, я уже не могу, пока все не выведаю, покою мне не будет. А ты струсила, да?

– Нет, только очень уж это все сложно. Ты вот думаешь, как от Альбины обезопаситься, а что делать с духом, не подумала.

– Да дух-то больно безобидный – на рояле играет. А ты, кстати, разберешься, что он там играет, колыбельную или еще что?

– С этим разберусь. Зря, что ли, меня столько лет музыке учили?

…Под вечер в доме кипела работа – мы с мамой наводили чистоту в дедушкиной комнате – пылесосили, протирали влажными тряпками бесчисленные заморские безделушки, книги, вазы, фотографии. И вдруг раздался отчаянный звонок в дверь. Тетя Липа уже ушла, и я бросилась открывать.

На пороге стояла Альбина.

– Мама дома? – поспешно спросила она и, почти отпихнув меня, ворвалась в квартиру. – Тата! Тата!

Не успела я закрыть за нею дверь, как явилась Мотька. Мы переглянулись, с трудом удержавшись от хохота.

– Ася, кто там еще?

– Мамочка, это Матильда пришла помогать!

И мы вошли в дедушкин кабинет, где Ненорма уже бегала из угла в угол.

– Тата, я тебя умоляю! Ради всего святого, поедем!

– Альбиночка, ну чем я смогу тебе помочь? В такой ситуации надо брать с собой мужика, не меня.

– Тата, пойми, нельзя терять время, пока я найду мужика, дачу могут ограбить или сжечь или вообще я не знаю что!!!

– Да объясни ты толком, что там стряслось, что тебе сказали?

– Понимаешь, звонила какая-то бестолочь, да и слышно было из рук вон плохо. Ну, Таточка, что тебе стоит, сядем в машину, сорок минут – и мы на даче. Если там все спокойно, мы с тобой затопим камин, посидим, потрепемся, выпьем бутылочку вина, переночуем на свежем воздухе, и в восемь утра я тебя доставлю домой! А если, не дай бог, там что-то серьезное, я найду коменданта, и тогда уж видно будет, но все равно я хоть буду не одна. Тебе хорошо, ты не знаешь, как тяжко быть одной!

– Ну, конечно, у меня у самой муж по полгода в морях болтается.

– Тогда тем более, поедем, Тата!

– Хорошо, через полчаса, мне надо хотя бы душ принять, я вся в пыли и в поту. Мотя, детка, переночуй сегодня с Аськой, ладно?

– Конечно, тетя Тата, о чем речь.

– Выведите Лорда, поужинайте сами, его накормите.

– Мама, не волнуйся, не маленькие!

– Таточка, ты золотце мое! Я пойду переоденусь и через полчаса зайду за тобой! Ты настоящая подруга!

Через полчаса Альбина явилась за мамой.

– Татка, ты готова? Мне позвонил еще кто-то с дачи, опять было плохо слышно, но все-таки я разобрала, там что-то с дверью веранды. Я пыталась дозвониться коменданту, но это безнадежно. Знаешь, Тата, я даже рада, хоть одну ночь посплю спокойно.

– А что, Альбина Федоровна, дух все посещает вас? – осведомилась Мотька.

– Ах, каждую ночь, каждую ночь. Об этом уже вся Москва говорит. Ну, поехали, Тата!

– Иду, иду! До завтра, девочки, и не засиживайтесь допоздна.

– Ну, как тебе это нравится? Еще кто-то ей звонил!

– Подумаешь! Может, там и вправду что-то стряслось, да запросто.

– Ась, а мы-то голову ломали, как да что, и с Ненормой и с Липочкой, а все само собой получилось, можно было даже и не звонить через варежку!

И мы покатились со смеху.

– Так, – сказала Мотька, – теперь давай составим план действий на ближайшие часы. Сейчас полдевятого. Первым делом прогуляем Лорда, а на объект пойдем не раньше полдвенадцатого. Надо подумать заранее, где мы там сможем зажечь свет, так, чтобы его не видно было ни с площадки, ни из окон.

– Ну, тогда только в холодильнике!

– Аська, не остри, если мы зажжем свет в ванной и в уборной и откроем двери, то он будет падать в ту часть коридора, которая с площадки, через глазок, не видна. А свечи у тебя есть?

– Целая пачка елочных свечек!

– Отлично! Тащи сюда! Давай складывать на столе все, что может пригодиться!

В половине двенадцатого мы на цыпочках вышли из квартиры и замерли. Все было тихо. На площадке у нас всего две квартиры – наша и Ненормина. Но у нее на двери целых пять замков. Открыть их все – нелегкое дело. Я с Лордом стояла в дверях нашей квартиры, а Мотька приготовилась открывать замки и вдруг тенью метнулась ко мне, впихнула меня в квартиру и зашептала:

– Аська, а у нее случайно квартира не на охране? Мне только сейчас в голову пришло.

– Нет, это точно, сколько раз я сама слышала, как она рассказывала, что милиция обчистила квартиру то у одних, то у других ее знакомых. Нет, с этим все в порядке.

– Слава богу, а то меня просто в пот бросило! Ух, дай отдышаться. Ладно, пошли. Как только я открою дверь, ты давай мне Лорда, а сама закрывай свою квартиру.

Глава 4. Ну и ночка!

И вот мы в квартире Ненормы. Кажется, вторжение прошло гладко. Мы стоим, прижавшись друг к дружке. Не знаю, как Мотьке, а мне сейчас стало по-настоящему страшно. До сих пор бояться было просто некогда. И вдруг раздался телефонный звонок. Сердце сразу ушло в пятки.

– Не бойся, мало ли кто может звонить, – шепчет Мотька, но я чувствую, что и у нее руки ледяные. Наконец телефон смолк. – Перво-наперво надо зажечь свет. – Мотька отважно бежит по коридору, включает свет в ванной и открывает дверь. Сразу становится легче, уже не так страшно.

Мы входим в гостиную и зажигаем две елочные свечки, прилепив их воском к блюдечку, взятому из дому. У нас с собой целая корзинка всякой всячины, вплоть до тряпки, чтобы стереть отпечатки пальцев. Мы садимся рядышком на диване и замираем в ожидании. Часы бьют полночь. Проходит еще минут десять, и вдруг Лорд в передней начинает ворчать. Но никакой музыки не слышно.

– Чего это он? – спрашивает Мотька.

– Он так ворчит, когда кто-то подходит к дверям. Неужели они вернулись?

– Если Лорд залает, мы пропали! Попробуй его успокоить!

Сердце бьется так, что я вообще ничего не слышу, но зато вижу, как Мотька кидается к дверям, гладит Лорда и заглядывает в глазок.

– Аська! Это не они! Там какие-то мужики!

И тут мы слышим, как в одном из замков поворачивается ключ. Значит, от какого-то неизбывного ужаса или позора (если это все-таки вернулась Альбина) нас отделяют всего четыре замка! Не так уж мало! Вот ключ медленно, осторожно поворачивается во втором замке. И тут я с мужеством отчаяния запираю первый замок. Из пяти замков два изнутри не запираются. Мотька смотрит на меня с восхищением.

– Ничего не понимаю, – говорит тихий мужской голос, – мне показалось, что верхний замок закрылся, а?

– Не пори хреновину, давай, спешить надо!

Так, теперь открыт второй замок. Его изнутри не закроешь. Затем открывается третий, и когда бандиты приступают к четвертому, я закрываю третий. Кажется, они ничего не заметили. Наконец они вставляют ключ в скважину пятого замка,

поворачивают его и легонько толкают дверь. Естественно, она не поддается.

– Что за черт! Я ж говорил, что с верхним замком какая-то лажа!

– Ну-ка, Гриня, дай я!

Опять открывается верхний замок.

– Да ты, лопух, его просто не открыл!

– Что ж я, совсем чокнутый, открыл я его, прекрасно помню.

Тем временем я успеваю вновь закрыть верхний замок. Смотрю на Мотьку – она уже давится со смеху.

– Слушай, Гриня, мне тоже показалось, что он опять закрылся!

– Ага! Что я говорил! Чертовщина какая-то. Но в квартире же пусто. Мы ведь сами ей на даче колесо прокололи. Это уж точняк, что ее дома нет. Да и звонили на всякий случай – никого. Может, ломанем?

– Да ты что! Зачем ломать, когда в руках ключи. А шуму сколько.

– Ключи-то есть, а толку что? Может, правду говорят про это дело?

– Про какое?

– Что у ней в квартире дух живет.

И тут Мотька шепчет мне:

– Быстро сыграй чего-нибудь!

Я кинулась к роялю и заиграла вальс Шопена.

Буквально через минуту в кабинет ввалилась Мотька, умирая от хохота, и заключила меня в объятья!

– Аська! Ура! Мы победили! Ты бы видела, как они дунули!

– А ты их разглядела?

– Да где там! Аська, как тебе в голову пришло закрыть замок?

– Понятия не имею!

И тут вдруг мне стало страшно. Задним числом, как говорится. Ноги у меня затряслись, и я чуть не свалилась со стула.

– Аська! Ты чего?

– Мотька, а ведь ужас как страшно было!

– Что-то не похоже, что ты очень уж испугалась.

– Еще как! А ты?

– Надо думать – влезли ночью в чужую квартиру – и без того спятить можно, а тут еще, здрасьте вам, настоящие воры пожаловали!

– Повезло, однако, Альбине! Как ты думаешь, они уже не вернутся?

– Сегодня? Нет! Они так драпали!

– Вообще-то надо бы предупредить Альбину, чтобы замки сменила.

– Интересное кино! Как это ты ее предупредишь – знаете, Альбина Федоровна, вот когда мы в вашей квартире прохлаждались, к вам воры лезли, но мы их не пустили, так, что ли?

И тут все напряжение этой ночи дало себя знать – мы хохотали так, что слышно было, наверное, даже на лестнице. Мы выли, икали, задыхались, держались за животы. Так продолжалось довольно долго.

– Аська, – взяла наконец себя в руки Мотька. – По-моему, нам пора мотать отсюда.

– А дух?

– А что дух? Никакого духа сегодня явно не было.

– Нет, все-таки в рояль мы должны заглянуть.

И, махнув на все рукой, мы зажгли свет в кабинете, открыли рояль и тщательно все внутри осмотрели. Разумеется, мы ничего там не обнаружили.

– Все, Матильда, хватит, пошли домой. Это ведь тоже еще не так просто – незаметно выйти, запереть все замки и открыть нашу квартиру. Только я сначала должна попить, а то умру.

– И я, у меня от всех событий в горле пересохло.

Погасив свет в кабинете, мы отправились в кухню. Дрожащими руками я схватила кружку с сушилки и налила воды, Мотька последовала моему примеру, поднесла кружку к губам и… В этот момент раздался звонок в дверь. Забытый нами Лорд громко взлаял, а мы с перепугу обе выронили кружки. Ну и ночка! Мы кинулись к двери, и я глянула в глазок. Он был темный. Значит, кто-то намеренно его закрыл. Час от часу не легче! Неужели вернулись ворюги? Звонок повторился, и тут вдруг Мотька спросила, понизив голос:

– Кто там?

– Альбина, милочка, у тебя выпить не найдется? Это я, Лёнчик!

Лёнчик был известный всему двору пьянчужка, вполне добродушный.

– Нет, – продолжала Мотька, – ничего у меня нет, ступай с богом, Лёнчик, поздно уже.

Я чуть со смеху не лопнула. Мотька говорила с Альбиниными интонациями.

– Ладно, ладно, простите великодушно, ухожу, смиренно ретируюсь!

Я посмотрела в глазок и увидела, что он направился к нашей двери. Черт побери, как же нам теперь домой попасть?

Наконец Лёнчику надоело звонить в пустую квартиру и он стал спускаться по лестнице.

– Мотька, линяем, а то еще кто-нибудь явится!

– Погоди, надо забрать свечки!

Мы тщательно собрали все свое имущество, начисто позабыв о разбитых кружках на кухне.

И вот наконец мы дома! Силы наши на исходе. Мы едва доплетаемся до постелей. Но уснуть не можем.

– Чтоб я еще когда-нибудь полезла в чужую квартиру – да ни в жисть! – говорит Мотька.

– Да уж, удовольствие ниже среднего! Хотя, Матильда, мы с тобой предотвратили настоящее преступление.

– Что да, то да! Вот вычислить бы еще этих ворюг!

– Да как мы их вычислим, и потом, это вообще не наше дело. Нам бы как-нибудь предупредить Альбину, чтобы замки сменила. Какая она ни есть, а все-таки жалко, если ее ограбят!

– Еще бы! Но все же кое-что нам об этих ворюгах известно.

– Что?

– Одного из них зовут Гриней, значит, скорее всего, Григорием.

– Да, и еще кое-что – они явно из местных, раз про духа слышали.

– Верно. А ты, Аська, думаешь, они могут еще сунуться к Альбине?

– Думаю, да, только теперь они полезут днем.

– Почему?

– А днем духи спят.

– Но днем ведь очень опасно!

– Ну и что! Мало ли бывает дневных ограблений!

– И что нам делать?

– Не знаю. Хотя нет, знаю. Давай днем будем сами приглядывать, а послезавтра дед приезжает, вот с ним и посоветуемся.

– Это, конечно, хорошо, но как мы сможем вдвоем следить за квартирой Ненормы? У нас ведь и другие дела есть.

– Придется посвятить в это дело кого-нибудь еще, только не говорить, конечно, что мы в чужую квартиру лазали.

– Нет, нельзя, пойми, что же мы скажем, откуда нам про это все известно?

– Скажем, что случайно слышали разговор.

– И любой дурак нас спросит, почему мы в милицию не заявили.

– Знаешь что, Матильда, давай спать, утро вечера мудренее.

– Тоже верно.

Утром мы проснулись от пронзительных воплей.

– Тата! Тата! – вопила Ненорма. – У меня в квартире кто-то был.

– О Господи, – вздохнула мама, которая торопливо пила на кухне кофе – ей пора было идти в театр. – Что там еще у тебя?

– Вообрази, на кухне две разбитые вдребезги кружки!

– Что-нибудь пропало?

– Кажется, нет, самое ценное я проверила – все на месте.

– Ну так бог с ними, с кружками! Чай, не севрский фарфор.

– Да, но кто их мог разбить?

– Может, дух решил промочить горло, а тут прокричал петух, вот он и выронил кружку…

– Да ну тебя, Тата, вечно ты с шуточками…

– А у тебя вечно какие-нибудь таинственные происшествия. Да ты небось сама плохо поставила их на сушилку, а где-нибудь что-нибудь тряхнуло, вот они и свалились.

– С водой?

– Почему с водой?

– Потому что осколки лежат в луже.

– Ну, тогда я не знаю, извини, мне пора в театр. Кстати, может, подбросишь меня?

– Ох, прости, Таточка, я сейчас никак не могу.

Ну и поганка же эта Ненорма! А мы еще собираемся охранять ее квартиру. И тут меня осенило.

– Мотька, давай подкинем Альбине письмо, как в собаке Баскервилей, вырезанное из газет: так, мол, и так, вашу квартиру собираются ограбить, поменяйте замки. И все. Пусть сама чешется, а то как ей надо, так мама все бросай, а как подвезти маму в театр на машине, так она, видите ли, занята! Не желаю я тратить время на такую дуру.

Тут к нам заглянула тетя Липа.

– Проснулись, сони? Подымайтесь и идите завтракать.

– Спасибо, тетя Липа, только мне бежать надо, – сказала Мотька.

– Да съешь что-нибудь и беги себе.

– Нет, спасибо, я уже опаздываю, – сказала Мотька, влезая в куртку, и шепнула мне: – Я нынче сама с газетами справлюсь, а ты ищи пока подходящие слова. А ничего мы с кружками лажанулись, а?

И Мотька умчалась. Наскоро перекусив, я взялась за газеты. Надо сказать, что управилась я в какие-нибудь полчаса. Все газеты были полны криминальной хроники и полезных советов, как защитить свою квартиру. В результате получилось такое послание: «Вашу квартиру намереваются ограбить. Срочно поменяйте замки». Надев перчатки, я взяла лист бумаги из дедушкиного стола, вырезала слова из газет и аккуратно наклеила на бумагу. Затем в перчатках же я сложила листок и сунула в карман куртки.

– Тетя Липа, я пошла гулять, – крикнула я и бросилась бегом вниз, к почтовым ящикам. Там никого не было. Рукой в перчатке я собралась уже опустить листок в Альбинин ящик, но решила сперва показать его Мотьке.

Навстречу мне попались две девчонки из нашего класса, Ляля и Верочка. Верочка – первая красавица в классе, несусветная воображала.

– Слушай, Монахова, – сказала она нараспев, – это правда, что в вашем доме какие-то привидения завелись?

– Сущая правда.

– И, говорят, ты их сама видела?

– Видеть не видела, но зато слышала.

– Ну и как?

– Что?

– Страшно?

– Ни капельки.

– Да ладно!

– Ей-богу. Ну, девчонки, я побежала. Кстати, вы Матильду не видели?

– Она на почте, у мамаши.

Я сломя голову помчалась на почту.

Мотька и вправду была там.

– Девочки, – сказала тетя Саша, Мотькина мама, – сходите сперва в магазин, а потом уж гуляйте на здоровье! Как мама, Асенька?

– Спасибо, хорошо!

Мы отправились в ближайший овощной. По дороге я показала Мотьке письмо. Она его в целом одобрила, только сказала, что зря я взяла бумагу у дедушки.

– Почему?

– Если она заявит в милицию, они начнут искать и смогут по бумаге определить отправителя.

– Да ладно, а то милиции больше делать нечего, станет она такой ерундой заниматься. Скажут – вас, мадам, просто кто-то решил разыграть.

– Твоя правда. Ладно, давай на обратном пути зайдем на почту, положим письмо в конверт и проштемпелюем.

– Это еще зачем?

– Чтоб не подумали, что это кто-то из дома.

– Но все равно же это наше почтовое отделение.

– Ну и что? А сколько народу оно обслуживает?

– Ох, Мотька, ну и голова у тебя!

– А бросим письмо мы сами – во-первых, так скорее. Ай, Аська, а как же адрес? Печатными буквами, да?

– Да, адрес в газете не сыщешь.

– Тогда вообще ерунда получается. Она сразу поймет, что это детские шалости. Прочитал какой-то недоумок «Собаку Баскервилей» и решил позабавиться. На конверте печатные буквы, а в конверте бумажка с наклейками из газеты – чушь какая-то.

– Правда, глупо! Что же делать?

– Вырезать буквы из газет и так написать адрес.

Купив все, что было велено, мы отнесли это к Мотьке, нарезали кучу букв из газет, наклеили на конверт и решили, прежде чем идти на почту, чтобы поставить штемпель, взглянуть на Альбинину квартиру, не грабят ли ее. И что же мы увидели? С дверью возился наш домовый слесарь дядя Веня. Альбина стояла у него над душой.

– Здрасьте, Альбина Федоровна! – сказали мы хором.

– Вот, девочки, меняю замки, а то, похоже, кто-то сегодня ночью был у меня в квартире!

– Как! – ахнули мы, и я почувствовала, что заливаюсь краской, а Мотька нагнулась, словно уронила варежку.

Слава богу, все опять сделалось без нас, само собой!

Глава 5. Дедушка приехал!

Когда приезжает дедушка, в нашем тихом доме начинается веселая кутерьма – с утра до ночи звонит телефон, все время кто-то приходит, шум, гам, смех, пение, музыка. Тетя Липа с упоением непрерывно что-то печет, жарит и парит – за стол садится куча народу; и в центре всего – дедушка, высокий, красивый, веселый. И лишь когда к дедушке приходит его аккомпаниатор Александр Ефимович, в квартире воцаряется благоговейная тишина – дедушка занимается. Присутствовать при этих занятиях позволено только мне – я сижу в уголке и слушаю, как дедушка сначала распевается, а потом начинает или учить новую партию, или повторять старые. Но больше всего я люблю, когда он готовится к концерту – тогда он поет всю программу подряд, а Александр Ефимович делает ему замечания. Бывает, они ругаются, но все равно дедушка слушается Александра Ефимовича, хотя он намного моложе дедушки. «Музыкант божьей милостью» – говорит про него дед.

Но, несмотря на суету, у дедушки всегда находится время, чтобы побыть со мною. Мы с ним большие друзья. Я могу все ему рассказать, и он тоже мне все рассказывает. Какие удивительные истории иной раз можно от него услышать. Вот, например, когда он был еще молодой, он пел Гудала в опере Рубинштейна «Демон». Дело было, кажется, в Свердловске. И когда Тамара на высокой ноте побежала через сцену, у нее, как говорит дед, нижняя челюсть соскочила с салазок – рот певица открыла, а закрыть не может. Тогда дедушка обнял ее – он ведь по сюжету доводился ей отцом – и одним ударом вправил челюсть. Спектакль окончился благополучно. Вот какой молодец мой дедушка. А еще дедушка страстный рыбак. Ему надо не просто сидеть с удочкой, а выходить с рыбаками в море или закидывать бредень на реке; словом, его хлебом не корми – дай порыбачить. И вот как-то приехал он в Таллин петь Бориса Годунова, и кто-то предложил ему выйти в море – а дело было поздней осенью. Лодка возьми да и опрокинься. Все попадали в ледяную воду, и дедушка тоже. И все-таки он прекраснейшим образом на следующий день пел спектакль.

– Настоящего рыбака вода любит! – говорит дедушка. – Все простудились, а у меня хоть бы соплинка!

Дедушкины рыбачьи рассказы слушать одно удовольствие. Мама, правда, утверждает, что он любит немножко приврать, но я ему верю – вон сколько у него фотографий с выловленными им рыбами – там есть щука, которую дед и еще какой-то человек держат на продетой через жабры палке на плечах – хвост щуки достает до земли. А дедушка у меня очень высокий. Эту щуку они поймали на блесну в озере Удомля. А на другой фотографии дедушка с огромным – четыре метра – марлином, которого он выловил где-то в тропиках.

А еще в дедушку все женщины влюбляются. Вот и наша тетя Липа когда-то была в него влюблена. Она была настоящая «сыриха» – так называются безумные поклонницы оперных певцов. Говорят, слово это происходит от того, что местом сбора чьих-то поклонниц был магазин «Сыр» на Тверской, а по другой версии – их так называли потому, что они готовы были в любой момент сбегать для своего кумира за сыром. И вот, когда я родилась, мама совсем с ног сбивалась, папа уехал в очередную экспедицию, дедушка с бабушкой уезжали на гастроли (моя бабушка была дедушкиным аккомпаниатором), вдруг появилась тетя Липа и сказала, что умеет ухаживать за маленькими детьми и с удовольствием поможет маме. С тех пор она живет у нас в доме как родной человек. И все мы в ней души не чаем. Когда мне было пять лет, бабушка умерла и дедушка остался один. Но женщины до сих пор не дают ему проходу. Пишут письма, посылают цветы,

звонят, осаждают после спектаклей и концертов. Смех да и только!

И вот завтра дедушка приезжает. С утра мама и тетя Липа обсуждали, что приготовить на обед, что на ужин, потом мы с мамой съездили на рынок, потом что-то скребли, мыли, убирали. Встречать дедушку я поеду одна, без мамы, у нее репетиция и вечером спектакль, а повезет меня Сережа – это друг моего папы, у него машина, и он завтра свободен. Это здорово, я первый раз поеду одна в аэропорт. Сережа не в счет, он тихий.

Я лежу в постели и не могу заснуть. Сколько же всего надо рассказать дедушке – и про школьные дела, и про духа, и про воров, и еще… про Митю. Хотя про него рассказывать пока еще нечего, я ведь всего два раза с ним виделась… Ну, там видно будет, говорить или нет… И с этим я заснула.

С утра я уже не могла дождаться, когда же приедет за мной Сережа.

– Ну что ты дергаешься, времени еще навалом, пойди лучше погуляй, чем под ногами путаться, – ворчала тетя Липа.

«Может, и вправду пойти погулять? – подумала я. – Время быстрей пройдет». Я позвонила Мотьке, но ее не было дома.

У нашего подъезда стоял телевизионный микроавтобус. Уже пронюхали, что дедушка приезжает, мелькнуло у меня в голове. Но оказалось, они приехали к Ненорме. Духа снимать, что ли?

Во дворе никого интересного не было, и я решила пройтись до сквера. И вдруг сердце мое замерло. Навстречу мне шел Митя со своим сеттером Джонни.

– Привет! А где твой Лорд?

– Привет! Он дома, я с ним с самого утра гуляла.

– Я тоже утром гулял, но Джонни еще щенок, с ним надо больше гулять. Ты куда-то идешь или просто так гуляешь?

– Просто так.

– Погуляем вместе?

– Погуляем!

Как хорошо начинается день!

Мы гуляли минут сорок, говорили обо всем, и мне вдруг ужасно захотелось рассказать ему о наших с Мотькой приключениях, похвастаться, как мы вдвоем одолели грабителей, но я понимала, что рассказывать малознакомому мальчишке, что мы ночью, пусть даже с добрыми намерениями, забрались в чужую квартиру, все-таки не следует. И я рассказала ему только, как мы слышали духа.

– Дух? Чепуха! Уверен, что этому инциденту можно найти вполне реальное материалистическое обоснование.

Я уже заметила, что Митя обожает взрослые ученые слова.

– Да? И какое же?

– Не знаю пока, я недостаточно знаком с предметом, но надо будет кое-что почитать на эту тему.

– Почитать? Что?

– Ну мало ли литературы такого рода!

– Литературы-то много, но от нее еще хуже запутаться можно.

– Ты не поняла, я имею в виду научную литературу.

– Так это же, наверное, страшная скучища?

– Кому как. Я, например, люблю научные книги. Ладно, обещаю почитать что-нибудь и потом тебе рассказать.

– Вот здорово!

– Слушай, у тебя есть телефон?

– Конечно!

– Давай я запишу и, когда что-нибудь узнаю, непременно тебе позвоню! Договорились?

– Да!

– А вечером ты гулять выйдешь?

– Не знаю. Сегодня дедушка приезжает.

– Ну и что?

– Ну, мы с ним давно не виделись, гости, наверное, придут…

– Да брось, все равно ведь с собакой надо будет выйти!

– Ладно, но не обещаю!

– Давай приходи! Ну, пока, я пошел!

– Пока!

Я вприпрыжку понеслась домой. Вот время и пролетело, да еще как!

Через полчаса приехал Сережа, и мы отправились в Шереметьево-2.

Самолет из Парижа прилетел минута в минуту, но мы ждали еще около часа, пока наконец появился дедушка.

– Аська! Родная! Да ты еще вымахала! Совсем взрослая девица! Ты одна?

– Нет, с Сережей!

– О, Сережа! Добрый день!

– С приездом, Игорь Васильевич! Ого, сколько багажа!

– Что делать, все свое вожу с собой!

– Не беда, разместимся как-нибудь!

– Аська, не смей хватать тяжелую сумку!

– Ничего, дед, она не такая уж тяжелая!

Наконец мы погрузились и поехали.

– Ну, как тут вы все? Как мама? Что слышно от папы?

– Мама в порядке, у нее репетиция, а папа сейчас в Гонолулу.

– Ох, счастливец! Какая же тут у вас слякоть! Аська, щи мне сварили?

– Сварили, сварили!

– Вот не поверите, больше всех заморских деликатесов люблю хорошие кислые щи! Ух, аж слюнки текут! Сережа, ты нынче никуда не торопишься?

– Нет, Игорь Васильевич.

– Выпьешь со мной рюмочку под кислые щи, а?

– С удовольствием!

– Аська, а как твоя Матильда?

– Нормально.

– Ох, девки, какой я вам подарок привез!

– Подарок? Один на двоих?

– Вот именно!

– Ой, дед, а что это?

– Так тебе все и скажи! Вот приедем домой…

– Ну, дедуля…

– И не проси! Что за притча – вот ведь и грязная Москва, и слякотная, а все равно люблю, ни на какие Парижи не променяю… Но как меня принимали в Париже! Успех был грандиозный! Газеты писали, что мой Мефистофель сравним разве что с шаляпинским! Вот, Аська, меня теперь везде называют не иначе как великий певец, а ты не ценишь деда!

– Еще как ценю! Только кто меня учил, что хвастаться нехорошо?

– Ну, я так, совсем чуть-чуть и среди своих. Это можно.

– Можно! – засмеялся Сережа.

Дома, кроме тети Липы, никого не было. У мамы сегодня спектакль, а гости еще не набежали.

– Ох, до чего же хорошо дома! – восклицал дед, расхаживая по квартире. – А какие запахи из кухни! Просто слюнки текут! Липочка, скоро обед? А то мы с Сережей с голоду помираем!

– Игорь Васильевич, да чего ж помирать-то, когда стол накрыт, все готово, прошу, садитесь!

За столом дедушка с упоением ел все, что приготовила тетя Липа, выпил несколько рюмочек водки, настоянной на апельсиновых корочках, а потом пустился в рассказы о своих путешествиях.

– Вообразите, прилетаю я из Нью-Йорка в Париж, а чемоданы мои тю-тю, пропали. Что делать? У меня там и фрак, и вообще все вещи. С собой даже свежей сорочки нет. Я, конечно, начинаю скандалить. Меня успокаивают, кто-то меня узнал, поднялась суета, и выяснилось, что из Нью-Йорка мои чемоданы вместо Парижа в Перу отправили! Ближний свет! Я им толкую: что делать? У меня завтра концерт в зале Плейель, а фрака нет, нот нет, вообще ничего нет. Не волнуйтесь, говорят, завтра до полудня доставим ваш багаж прямо в отель. Ночь сплю плохо, волнуюсь, и из-за концерта, что вполне нормально, и из-за фрака и чемоданов, черт бы их взял. С утра я как на иголках, скоро уже двенадцать, а багажа нет как нет, и вдруг звонят, мол, прибыл ваш багаж в целости и сохранности, сейчас доставим! Я им говорю, скорее, мне ждать некогда, у меня репетиция. Так что вы думаете, доставили-таки, да еще с огромным букетом роз, в знак извинения! Уж в Москву я летел, трясся, так нет, тут все в порядке было. Вот поди ж ты!

– Ой, Игорь Васильевич, – вздохнула тетя Липа, – вы уж все самое необходимое с собой в самолет берите, а то, не ровен час, и впрямь не в чем будет на сцену выйти.

– Да не люблю я с чемоданами в самолете возиться. Авось больше таких оказий не будет.

Дедушка у меня человек легкомысленный.

Вскоре после обеда Сережа ушел, тетя Липа возилась на кухне, и мы с дедом наконец остались вдвоем.

– Ну, Анастасия, – сказал он, – теперь займемся подарками. Что касается тряпок, это вы потом с мамой разберете. А вот что я привез вам с Матильдой!

И дедушка вынул из чемодана довольно большую коробку.

– Что это? Дед, уоки-токи? Настоящие?

– Самые что ни на есть! Действуют в радиусе до сорока километров. Так что сможете теперь с Мотькой общаться всегда и везде! Ну что, угодил?

– Дед! У меня нет слов! Ты даже не представляешь, до чего вовремя ты это привез!

И я во всех подробностях рассказала дедушке историю с духом, с квартирой Ненормы и с ворами.

– Так, интересные дела тут без меня творятся, – сказал дед, – вообще-то, друг мой Аська, лазать по чужим квартирам, даже с, так сказать, научными целями, никуда не годится, но, учитывая, что тем самым было предотвращено ограбление, в данном случае вину вашу с Мотькой можно списать. Но все же я настоятельно тебя прошу больше этого никогда не делать. Обещаешь?

– Обещаю.

– А вот за находчивость и храбрость в сложных обстоятельствах – хвалю. Молодец! И как это тебе в голову взбрело закрывать замки?

– Со страху, наверное.

– С кружками, разумеется, вы дали маху! Но, с другой стороны, Альбина сама решила поменять замки! А ведь у нее есть что красть. Одни картины чего стоят!

– Дед, а что ты насчет духа думаешь? Ты в это веришь?

– Решительно не верю! По-моему, все это бабьи бредни!

– Но я же сама слышала!

– А может, ты просто чересчур впечатлительная девица?

– И Мотька, и тетя Липа тоже чересчур впечатлительные девицы?

– Просто все вы чересчур впечатлительное бабье!

– Нет, дед, ты не спеши, вот, возьми тетрадку, мама тут все записала, и погляди.

– Ладно, потом, на досуге, посмотрю! А скажи-ка, Анастасия, есть у тебя, как раньше говорили, сердечный друг?

Я почувствовала, что краснею.

– Ишь как зарделась, ну, выкладывай, кто таков? Из класса кто-нибудь?

– Вот еще! Наши мальчишки все еще какие-то маленькие!

– Что верно, то верно, девчонки быстрее взрослеют. Так где же ты нашла своего героя?

– Дедушка! Никакой он пока не герой, это так… мы всего три раза с ним и общались. Он с собакой гуляет на нашем сквере. Ему уже 15 лет, он очень умный, много знает, с ним так интересно разговаривать…

– А как его зовут-то?

– Митя.

– Дмитрий, значит. Может, познакомишь? Пойдем-ка вместе Лорда прогуляем, а?

– Нет, дед, не надо.

– Почему?

– Потому.

– А, понимаю, я могу только все испортить, ты полагаешь, да?

– Да.

– Не ожидал, честно скажу, не ожидал!

– Ну, дед, ты только не обижайся, ладно? Ну, пожалуйста!

– Ладно уж! Бог с тобой! Иди одна, только недолго, а то я буду волноваться!

Я мигом надела на Лорда поводок и побежала на сквер. Там гуляло уже много знакомых собак, но Мити не было. Я потопталась полчаса, но он так и не появился. А может, он уже раньше погулял с Джонни?

Порывшись в кармане, я нашла телефонный жетон и позвонила из автомата Мотьке. Мне не терпелось сообщить ей про уоки-токи.

– Алло!

– Мотька, это я!

– Привет, как дела? Приехал дедушка?

– Приехал! Мотька, куча новостей, надо увидеться, может, придешь?

– Нет, сегодня не приду. Мама говорит, это неприлично!

– Да ерунда!

– Нет, мама не пустит, даже и просить не стоит.

– Мотька, я шмотки еще не разбирала, но знаешь, что дед нам с тобой привез? Уоки-токи, самые настоящие! Действуют в радиусе сорока километров, представляешь?

– Кайф! Теперь мы с тобой что хочешь расследуем! Ась, а ты Игорю Васильевичу все рассказала?

– Конечно!

– Ну и что он говорит?

– Моть, сейчас холодно, я домой побегу, завтра увидимся, все расскажу! Ты завтра когда придешь?

– Вот с делами управлюсь и приду. Часов в двенадцать, не раньше. Но ты мне лучше позвони, а то мало ли что там у вас будет, ладно?

– Ладно, пока!

– Пока!

Когда я вернулась, к дедушке уже пришли его друзья. Они все опять сидели за столом, ели, пили, и ему было не до меня. Я решила разобрать шмотки, привезенные дедушкой. В его чемоданах всегда поразительный порядок. Все сложено уголок к уголку, все надписано, что кому предназначается. В большом чемодане лежал объемистый мешок с надписью «Асе». Вот в него-то я и залезла.

Там было много разных пакетов. В некоторых из них лежало по две одинаковых вещи. Это значит, вторая шмотка предназначается Мотьке.

Зазвонил телефон.

– Ася, тебя! – крикнула Липочка.

– Алло!

– Ася, добрый вечер, это Митя.

– А, привет!

– Ася, я хочу извиниться, я тебя уговаривал вечером выйти, а сам не пришел, но так получилось. Извини. Мне сказали, что ты приходила.

– Интересно! Откуда такая информация? У тебя что, осведомители на сквере свои, да?

– Можно считать, и так. Кстати, Ася, я тут на досуге поразмыслил о том, что ты мне рассказала. По-моему, это интересно, и я хотел бы присоединиться к вашему расследованию. Ты не возражаешь?

– Я-то не возражаю, но надо сперва посоветоваться с Матильдой. Если она согласится, тогда пожалуйста.

– И когда же Матильда вынесет свой вердикт?

– Завтра днем.

– Тогда ты мне сразу позвони.

– Обязательно!

– Ну пока!

– Пока!

С ума сойти! Еще сегодня утром я и мечтать не смела о таких отношениях с Митей! А теперь он мне звонит и сам напрашивается в компанию! Здорово!

Скоро пришла мама, и опять поднялся шум и гам. Опять все сидели за столом, дедушка шумно рассказывал о своих гастролях в Америке.

– Вообразите себе – идет концерт в Питсбурге, город большой, промышленный, богатый. Отличный зал, концерт, чувствую, удачный, слушают великолепно. Дело движется к концу первого отделения. Вдруг откуда ни возьмись после очередного номера на сцену взбегает какая-то дама с букетом, скажем прямо, далеко не первой свежести дама, и бросается ко мне, я вежливо улыбаюсь, и тут вдруг она обо что-то спотыкается и во весь рост плюхается буквально к моим ногам. Мой аккомпаниатор чуть не падает со стула от смеха. А я, как джентльмен, поднимаю упавшую даму, которая, едва поднявшись, повисает у меня на шее и ревмя ревет при этом. Публика валяется от хохота, аккомпаниатор рыдает, а мне что прикажете делать? У меня у самого все внутри дрожит от смеха, но я должен держать марку – осторожно, с сочувственным выражением лица, пытаюсь отцепить от себя даму, но не тут-то было – она

держит меня мертвой хваткой. Концерт на грани срыва! Тут из-за кулис выскакивают два дюжих молодца из администрации и хватают мою даму под белы руки. Но куда там! В зале уже стон стоит. Я думаю, может, мне вот так, с дамой на шее, уйти за кулисы, но понимаю, что публика тогда просто умрет со смеху. Вот и стою как пень. И вдруг меня осенило. Я обнял даму и поцеловал в губы. Было довольно противно, но искусство требует жертв. И это был правильный ход. Дама обмякла в моих объятиях, и молодцы тут же ее уволокли. Грянул гром аплодисментов! Оно, конечно, хорошо, но продолжать концерт при таком настроении зала просто немыслимо. Пришлось мне на моем неважном английском сказать, что ввиду происшедшего антракт объявляется раньше времени, однако все, что заявлено в программе, будет исполнено. Ко второму отделению публика успокоилась, и концерт прошел на ура.

– Да, чего только не бывает с вашим братом-артистом, – сказал Михаил Михайлович, старый дедушкин друг, врач-офтальмолог.

Глава 6. Музи?кгейст

Утром я проснулась от дедушкиного голоса:

– Анастасия, сколько можно дрыхнуть! Немедленно вставай! Я хочу с тобой общаться, а не смотреть на сонную тетерю! Через десять минут чтобы была на кухне!

Конечно, я вскочила как ужаленнная и помчалась в ванную.

Через 10 минут ровно я вошла на кухню, где дедушка и мама уже сидели за столом.

– Татуша, а что это за история с Альбининым духом? – спросил вдруг дед.

– Понятия не имею. Я же все проспала, тебе уж Аська наверняка доложила. Но три свидетеля все же есть – Ася, Мотя и Липа. Они все слышали и видели.

– Да что же они видели?

– Нет, папа, видеть, они, кажется, ничего не видели. Разве что как Альбина билась головой о рояль!

– Бедный рояль! А у нее ведь очень хороший инструмент, «Бехштейн», жалко его!

И тут раздался звонок в дверь. Мама пошла открывать, и до нас донесся голос Ненормы.

– Таточка, с добрым утром! Я зашла тебе сказать, что завтра вечером по московской программе будет интервью со мной по поводу моего духа. Я там и о тебе говорю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ekaterina-vilmont/sysknoe-byuro-kvartet

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити